

ТАМ НЕТ ШЕЛУХИ, ТАМ ВСЕ НАСТОЯЩЕЕ

ИЗ ДНЕВНИКОВ П.К. СЕНЬКО

Шестой континент нашей планеты — Антарктида — является, как известно, кладезем полезных ископаемых. Это по данным геологических разведок, которые уже были проведены, а сколько еще там «белых пятен». Ученые, политики всего мира предрекают в ближайшие десятилетия серьезную борьбу (политическую, экономическую, не дай бог — военную) за это уникальное место на планете Земля. Вклад российских исследователей, ученых в изучение Антарктиды огромен и бесценен. Имена этих подвижников — от Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева до наших современников — известны широкому кругу людей.

Какие силы, какие побудительные мотивы заставляют людей, презрев все возможные опасности, вновь и вновь спускаться глубоко под воду, лететь в космические дали или вновь и вновь возвращаться в «белое безмолвие», как иногда поэтически называют шестой континент? Мы хотим посвятить эту статью одному из многих, не только внесших несомненный вклад в изучение и освоение шестого континента, но и навсегда отдавших Антарктиде свое сердце, душу. Это почетный полярник, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Почета и Октябрьской Революции Павел Кононович Сенько. После окончания с отличием физического факультета Ленинградского государственного университета в 1938 году он был распределен в Арктический научно-исследовательский институт Главсевморпути. Институт менял свое название, но всю жизнь неизменным оставалось место работы Павла Кононовича.

К моменту формирования состава первой континентальной антарктической экспедиции Павлу Кононовичу было 39 лет. Это был уже вполне состоявшийся, знающий, опытный специалист в области геомагнитных исследований. За плечами — многочисленные зимовки в Арктике, на станции Маточкин Шар, на мысе Челюскина, высокоширотная экспедиция на ледоколе «Северный полюс», высокоширотные

воздушные экспедиции на Северный полюс. За почти два десятка лет работы на Севере у П.К. Сенько не единожды возникали ситуации, когда все или почти все решала его выдержка, его стойкость, спокойствие и терпение. Непоказное дружелюбие и справедливость в отношениях с коллегами, неконфликтность и в то же время принципиальность, берущая начало в преданности делу, которому он служил, безусловно, решили вопрос с его утверждением начальником геофизического отряда в составе первой континентальной антарктической экспедиции.

14 декабря 1955 года два дизель-электрохода «Обь» и «Лена» отправились к берегам Антарктиды. Далее мы обратимся к дневниковым записям Павла Кононовича. Он вел их во всех своих экспедициях — и в Арктике, и в Антарктиде. Это уникальные документы времени, которые, возможно, еще дождутся своего издателя. Это не беллетристика, не приключенческий роман, а педантичное, абсолютно не пафосное, удивительно корректное отражение коллективного человеческого подвига.

В январе 1956 года д/э «Лена» подошел к берегам Антарктиды. Предоставим слово участнику и очевидцу Павлу Кононовичу Сенько:

20 января. Сегодня рано утром благополучно прибыли к берегам Антарктиды. Ура!

Как и следовало ожидать — «не так страшен черт, как его малюют». Во-первых, ледовые условия были хорошие и мы шли через лед всего часов 5–6 только. Погода стояла чудесная — безоблачное небо, температура около 0° (только), слабый ветер. Усиленно щелкал фотоаппаратом на подходе к Антарктиде.

Видели по пути много пингинов (наконец-то). Китов встретили мало — несколько штук.

Место около поселка Мирный выбрали удачное, во-первых, потому, что есть выходы земли — скалы, во-вторых, корабли смогли подойти близко к берегу на расстояние 100 метров, не дальше, так что выгрузку наших многочисленных грузов можно производить прямо на припай.

Вскоре, с наступлением лета, в будущем поселке Мирный задуют практически постоянные ветра до 30–40 метров в секунду. И если при небольшом морозе эти ветра не являются серьезной помехой для строительства, исследований, то при понижении температуры (она иногда бывает до –30 и ниже) любая человеческая деятельность превращается в преодоление и подвиг. Достаточно посмотреть кадры кинохроники первой КАЭ (и последующих экспедиций), чтобы понять это.

25 января (у берегов Антарктиды). Для сохранения живности издан строгий приказ: не посещать зря колонии пингинов на островках, расположенных вблизи берега, и ни в коем случае не трогать, не пугать их на берегу.

Наши координаты 66° 33' южной широты и 193° 00' восточной долготы. Погода стоит вполне подходящая для строительных и выгрузочных работ — около 0° (днем +, а ночью –1... –2°). Условия выгрузки меняются, так как припай подламывается. Приходится часто менять место корабля. Это удлинит время выгрузки. Первые здания в поселке будут — каюткомпания (камбуз, столовая — он же кинозал на 60 человек) и передающий радиопункт. Магнитный павильон будут строить в последнюю очередь.

Обсерватория Мирный стала воротами для освоения Антарктиды со стороны СССР. Международное сотрудничество в рамках Первого геофизического года (МГГ 1957–1958) стало основой для заключения в 1959 году в Вашингтоне бессрочного Договора об Антарктике. Договор подразумевал свободу исследовательских работ и запрет милитаризации материка. Так станция Мирный действительно стала миротворцем южного континента. Строительство основных зданий обсерватории Мирный продолжалось около месяца.

13 февраля. Сегодня состоялось торжественное открытие обсерватории Мирный с поднятием государственного флага, салютом из ружей и ракетниц.

14 февраля. Наконец-то успешно закончили выгрузку оба корабля. Особенно хорошо шли работы у нас на «Лене» за эти четверо суток. Правда, впереди еще много работы по доставке грузов от места выгрузки в поселок, на расстояние 2,5 км. Но эта работа более простая.

Примечательна предельная сдержанность Павла Кононовича в словах. Такой опытный полярник, как он, прекрасно понимал всю сложность, масштабность работ, а после гибели тракториста Ивана Хмары при разгрузке — и все опасности, подстерегающие полярников на каждом шагу. Понимал, но не хотел даже в личном дневнике ни-

какого пафоса и показухи. И «заболевали» Антарктидой, возвращались туда вновь и вновь именно такого склада люди. Негромкие, надежные, преданные, стойкие. Такие люди не потерпели бы в свой адрес популярного ныне «Ты — СУПЕР». Это была для них просто работа.

22 февраля. Живу пока еще на корабле. Но в ближайшие дни переселюсь в Мирный, когда построим свой дом... Много хлопот предстоит еще при строительстве магнитного павильона — рубленого дома из деревянных брусков. На работу нас доставляет вертолет — быстро, удобно. Он делает иногда по 6–7 рейсов, а иногда работает на перевозках людей сразу два вертолета (Шонина и Иноземцева).

13 марта. Кажется, «Лена» вместо планировавшегося срока 20 марта может уйти раньше ввиду наступления холодов. Это очень плохо, т.к. в магнитном павильоне останется очень много работы и не «видно» времени, когда же наконец приступим к своей работе. Я теперь рассчитываю «запустить» магнитную обсерваторию полностью не раньше конца апреля в лучшем случае... На днях будет запущена электростанция — когда оглянешься назад, то не верится, что за период месяц с небольшим здесь столько выстроили домов... Баня пока еще не готова. Она строится вплотную к электростанции с расчетом использования от нее теплой воды. Перед баней будет устраиваться аврал по подтаскиванию снега, а потом будешь идти на мытье. Сегодня поставили первую радиомачту у ионосферной лаборатории. Осталось поставить еще две.

17 марта. Сегодня ушла от нас «Лена»... «Лена» от места стоянки подошла к Мирному. Мы (геофизики) стояли на скале у магнитного <павильона>, часть народа была у приемного радиоцентра, где на флагштоке знамя Союза. Другие взобрались на самую высокую точку — скалу Мирного. С берега и корабля взлетали ракеты, слышны были обоюдные крики «ура!». Наши самолеты Ли-2 и Ил-12 несколько раз прошли бреющим полетом над «Леной». Все было очень, очень хорошо! Но и то скливо. Теперь мы начинаем свою зимовку. Всего нас 92 человека, 75 было и 17 — ряд специалистов электриков и др. плюс строители. У нас еще очень, очень много дела.

П. К. Сенько участвовал в первом внутриконтинентальном походе. Вот строки из его дневника:

2 апреля. Завтра я уезжаю в составе санно-тракторного поезда на примерно 400 км в направлении к геомагнитному полюсу.

10 мая. На днях, 6 мая возвратился в Мирный. Санный поезд дошел до 375 км от Мирного. Там будет маленькая зимовка (метеоролог, гляциолог, радист). Условия там очень тяжелые. Низкие температуры (когда я там был — уже до -51°) и большая высота над уровнем моря — 2800 метров. Здесь в Мирном — курорт (все в мире относительно).

15 июля. Здешняя погода по-прежнему не балует. Очень часто бывают штормовые ветры. Хорошо, что обычно при сильном ветре не очень холодно, 12–15 градусов мороза, т.к. ак> что ходить на улице вполне сносно. Холодов здесь в Мирном, в отличие от Пионерской, особенных нет. Самая низкая температура была около -34° при слабом ветре — это вполне терпимо для меня — закаленного арктического путешественника.

Установка первой радиомачты

Дни и месяцы зимовки в Антарктиде — это всегда серьезное испытание, требующее немислимого напряжения всех сил зимовщиков. И тем не менее через какое-то время в дневнике П.К. Сенько появляется следующая запись:

8 октября. Несмотря на то, что я немного испытал на себе настоящую Антарктиду, когда я был в тракторном поезде, все же ничего не буду иметь против (если предложат) поехать по этой земле (вернее, по льду) хотя бы до Востока. Это и понятно, т.к. хотя я и не Пржевальский, но путешествовать люблю, тем более по этой нехоженой земле. А ведь такой земли на нашей планете, можно сказать, не осталось.

А потом была 5-я САЭ. Любое, самое привычное, не единожды повторенное действие человека в Антарктиде может обернуться трагедией. П.К. Сенько, начальник геофизического отряда 5-й САЭ, вместе со своим коллегой Петром Кольцовым, возвращаясь на собачьей упряжке после проведенных метеоисследований, попали в жесточайшую пургу с практически нулевой видимостью и упали с двадцатиметровой высоты в том месте, где обрывается ледяной щит у моря. По счастливой случайности они не разбились, так как вместе с санями оборвалась и падала масса рыхлого снега. Трое суток при ураганном ветре выходили они к Мирному. Вышли... Всегда надо быть «С Антарктидой только на вы», как озаглавили свою книгу Е. Кравченко (знаменитый полярный летчик) и В. Карпий (авиационный журналист).

30 июня. Маленький рассказ о счастливо окончившемся приключении.

Утром 28 июня с Петром Кольцовым <каюр> «заложили» собачью упряжку из 9 собак и отправились на 7-й км менять пленку на выносной станции (МВС).

Через 55 минут добрались... и в 11–30 собрались в обратный путь. Через 5–10 минут погода начала портиться... видимость стала не больше 50 м. Подумали вернуться в палатку, но был риск ее уже не найти, и решили продолжать ехать домой. Собаки вели себя так, как им удобнее, т.е. старались бежать по ветру влево от должного курса... Петро заворачивал их вправо...Через 15–17 минут, когда мы должны были приблизиться к месту поворота пути на 90 градусов в Мирный, мы заметили, что наш путь идет по нужному месту — много чистого льда, дорога идет под уклон. Петро начал тормозить нарты ломом. Но упорная стойка нарт сломалась, мы быстро проскочили по уклону мимо вехи и через 200–300 м нарты наехали на щель во льду. Последние собаки провалились, но, к счастью, передник проскочили и тянули вперед... Мы с Петром осторожно слезли с нарт и продвинули их вперед. К этому времени видимость была уже не больше 2–3 м, ветер усилился, и снег мел очень сильно... Из-за погоды решили переночевать на снежном склоне, довольно долго копали и сделали котлован 1×2 м глубиной около 1,5 м с нишей для сидения. Залезли в котлован, накрыв его нартами... Уже через 10–20 минут убедились,

Павел Кононович Сенько (слева) в походе к месту открытия станции Пионерская

что в котлован сильно заносит снег и, оставшись в нем надолго, можно оказаться как в мышеловке. Выползли наверх, поставили нарты боком, подтащили собак... Провели ночь... время от времени окликали Петра, чтобы убедиться, что он не замерз... Нас быстро заносило снегом, а под снегом действительно довольно тепло лежать, особенно когда собаки прижимаются к тебе... Ночью мы примерно видели зарево от ракет, запускаемых в Мирном... Погода была по-прежнему скверная, ветер метров 30 и видимость метра 3–4. Перед уходом попробовали откопать собак, но руками (в мокрых рукавицах!) много не сделаешь! Рискнули перебраться через щель и пошли, как нам казалось, к Мирному... шли «с середины на половинку», выбирая среднее компромиссное направление. Через 1–2 часа (часы уже не шли) наткнулись на большую бамбуковую вежу с флажком... мы от нее пошли почти по ветру и через 30–40 минут, идя вдвоем, взявшись за руки, свалились с ледяного барьера, пролетев вниз метров 6–7. На наше счастье (удивительно повезло!), валились вместе со снегом и упали на него... Здесь и остановились, так как начало уже темнеть (в это время года светлого времени здесь 3–4 часа в сутки). Решили провести ночь здесь, ветер утихал, и видимость улучшалась. Видели с одной стороны зарево от времени от времени пускаемых ракет, с другой, гораздо ближе – ряд зарева от ракет, которые к нам приближались... до хрипоты кричали, но без толку. Но они помогли нам определиться, где находится припай и в какой стороне Мирный. Петро сказал, что третья ночь он не переживет и замерзнет... К счастью, у меня был с собой электрофонарь, а видимость вечером стала совсем приличная. По большим сугробам жесткого снега осторожно прошли от барьера до припая, а уж после этого настроение поднялось, когда увидели зарево огней над Мирным... В 5 часов утра 30 июня мы были дома (шли по-видимому ~ 9 часов последние 6–7 км), проведя без пищи 2 суток, обмерзшие снаружи и мокрые до нательного белья внутри.

Неизгладимый след в сердцах участников той экспедиции оставили трагические события ночью 3 августа 1960 года. В доме аэрометотряда возник пожар. Застигнутые врасплох люди не справились с огнем и не смогли выйти из дома, до крыши занесенного снегом. При ураганном ветре, бушевавшем в ту ночь, невозможно было оказать им и своевременную помощь. Пожар унес жизни О.Г. Кричака, начальника отряда, и семерых его товарищей. Они были похоронены на кладбище Мирного — на острове Буромского. Их имена навсегда вошли в историю освоения Антарктиды.

3 августа (среда), запись в 13-00. Случилось большое несчастье. В метеодоме во время пожара сторело 8 человек. Кричак Оскар Григорьевич, Смирнов Ал-р Захарович, Дергач Алексей Леонтьевич, Попов Игорь Андреевич, Белоликов Анатолий Михайлович, Самуцков Василий Иванович, Костка Олдрих, Попп Христиан. Ночью (с 2 до 3) ветер доходил до 56 м/с! Как это было: 1) деж. механик на электростанции Табаков заметил, что линия вырубается — где-то неполадка; 2) позвонил метеорологам, долго звонил (5–45). Наконец ответил Кричак, что света нет, потом сходил посмотрел и крикнул в трубку — «Горим!», и все, больше

Похороны погибших метеорологов

15-я САЭ. Открытие станции Ленинградская

телефон не работал. Лопатами начали копать снег (1,5–2 м!) у края дома, вент. трубы и зап. выхода — пламя. У вент. трубы подняли железо на крыше дома — пламя... К 11–30 на месте дома дымящаяся яма в снегу... К 15–00 вытащили из ямы всех, кроме Игоря Попова...

9 августа. Сегодня с помощью бульдозера нашли в траншее Игоря Попова...

20 августа. Сегодня состоялись похороны «аэрометотряда» (почти всех, осталось 2 человека).

А потом были 9-я САЭ (начальник зимовочного состава экспедиции), 12-я САЭ (начальник сезонной части) и 15-я САЭ (начальник сезонного состава экспедиции), в период работы которой была открыта станция Ленинградская.

27 января 1970 года. Открытие станции Ленинградская в 17 (10 Мск)... Дополнительно оставлены... сообщение с текстом: «15-я Сов. ант. экспедиция на д/э «Обь» с 20 по 28 января 1970 года проводила геологические, геоморфологические, гравиметрические и магнитные наблюдения в районе берега Отса. На этом месте была открыта 27 января новая советская станция в Антарктике — станция Ленинградская...»

В 18-й САЭ, в составе которой Павел Кононович был начальником зимовочного состава экспедиции, д/э «Обь», зажатый льдами, впервые в истории советских антарктических экспедиций лег в длительный дрейф. Вот записи в дневниках об этом событии.

8 декабря 1972 года. <борт д/э «Обь»>...остановились, ожидаем т/х «Дорогобуж» для взятия 30 т масла для машин. Каждые сутки играют роль! А мы стоим <поздний выход в антарктический рейс из-за проблем со снабжением>.

26 февраля 1973 года. <работы по организации станции Русская> ...м. Беркс — с утра с Пигузовым опять смотрели площадки — выбрали место для временной станции, основную площадку решили не трогать. Послана РДО о задержке «Оби» до 10–15 марта — в надежде

Высадка на м. Беркс

Начало дрейфа д/э «Обь»

открыть хотя бы мини-станцию. Отказываемся от помощи американских ледоколов (Жданов).

1 марта. По полученному распоряжению Е.С. <Короткевича> сняли Пигузова с м. Беркс и идем в Н. Зеландию... Надеялись на близкое расстояние «Оби» от м. Беркс, однако меньше 90 миль НЕ получилось. Очень жаль! Бегаем взад-вперед по польнье.

3 марта. Тяжко пробираемся через сплоченные льды, старые торосистые толщиной 1,5–2,0 м – очень медленно.

16 марта. Вышли из Литтлтона на Ленинградскую <для смены состава и снабжения станции>.

21 марта. Идем к Ленинградской вслепую, даже Воробьев ничего не посоветовал.

23 марта. ...От Ленинградской 47 миль... 8–00 – 9–30 заклинились... 16–40 вылетел в Ленинградскую с разведкой. «Обь» очень слабо продвинулась.

25 марта. Вернулся на «Обь». С утра опять заклинились – так и простояли весь день. За сутки дрейф 17 миль на северо-запад.

26–27 марта. Стоим на льдине, попытка слезть не удалась. Решено попробовать взрывом – три заряда в 16–05 – судно не сползло с льдины. Вторая серия 20–00 – 4 заряда – не двинулись, сидим прочно.

28 марта. От Ленинградской 60 миль, дрейфуем на СЗ. Решено, пока стоим и есть условия погоды, возить продовольствие. 4 рейса Ми-8 на Ленинградскую.

7 апреля. 22–00 ветром у Ми сломано 2 лопасти. 120 км от Ленинградской. Там в срок зафиксировано 58 м/с.

18 апреля. Часто застревали за день, взрывами освобождались...

19 апреля. Сутки прочно «сидим».

23 апреля. Начало дрейфа «Оби» <первый длительный дрейф советских экспедиций в Антарктику>. 21–00 сильное сжатие, аэродром разломало.

30 апреля. Руль заклинен льдом. Бывшая ВПП переторошена.

4 мая. Начало строительства ВПП в 300 м от судна. Две бригады по 20 чел. каждая.

«Обь», сжатая льдами

5 мая. ~300 км от Ленинградской.

6 мая. Рейс Ан-2 на Ленинградскую.

7 мая. Два рейса Ленинградская – Обь – Ленинградская – 9 человек + 320 кг апп + 120 тола.

14 мая. В 4-м танке (у первого трюма) появилась забортная вода, скорость поступления ~1 т/час.

20 мая. Трещина на рулежное дорожке Ан-2, за кормой разводье 30–40 м шириной. ВПП от нас уплыла!

25 мая. Во втором трюме обнаружили повреждение шпангоутов на уровне ватерлинии.

3 июня. Со вчерашнего дня начали следить за айсбергами рядом. 6 штук на планшете.

7 июня. На «Наварине» <для эвакуации людей и переброски грузов с «Оби» д/э «Наварин» подошел к ней на расстояние около 260 км> готовы принимать вертолет и Ан-2 (подгот. ВПП).

10 июня. Рейс нашего Ми-8 на «Наварин».

20 июня. Выехал с «Оби» на «Наварин» <последним рейсом вертолета с «Оби» на «Наварин», «Обь» с оставшимися членами экипажа самостоятельно вышла из дрейфа 22 июля 1973 года>.

Впереди была очередная непростая зимовка на станции Молодежная.

Завершая эту статью, очень уместно перечитать запись в дневнике начальника сезонной части 12-й САЭ П.К. Сенько от 13 февраля 1967 года:

Итак – 11 лет со дня открытия Мирного.

Я прожил в М<ирном>.

20 янв<аря> 1956 г. фев<раль> 1957 г. (1 САЭ)

24 янв<аря> 1960 г. 14 марта 1961 г. (5 САЭ)

11 янв<аря> 1964 г. 19 янв<аря> 1965 г. (9 САЭ)

Хочется, чтобы Мирный просуществовал еще долгие годы – а это, кажется, так и будет, несмотря на то, что многое погребено под снегом.

Да, многое и многие были погребены под беспощадными снегами и льдами Антарктиды. И хотя с момента последней в биографии П.К. Сенько, 18-й САЭ прошло уже более сорока лет, Антарктида не стала с людьми более приветливой. Но снова и снова подходят к припаю корабли с полярниками, и они остаются на зимовку.

Может быть потому, что, как заметил И.С. Жулдыбин (11 лет зимовок на всех пяти российских станциях): «Там нет шелухи, там все настоящее. Человеку там невозможно притвориться тем, кем он не является на самом деле. Там друг — слово с большой буквы. При внешнем холоде — между людьми удивительная теплота. Может, этот антарктический дух и есть главное “полезное ископаемое” шестого континента?».

*В.П. Губанихина (Сенько).
Фото из семейного архива*